

На соискание Государственной премии СССР

ПОЭЗИЯ ТАНЦА

ЛЕНИНГРАД — город великих создателей, писателей, музыкантов. Ленинград — и колыбель академической школы русского балета, где в течение двух веков развивались традиции благородной строгости танца. Сегодня эти традиции живут и обновляются в поколении нынешних танцовщиков. Живут они и в искусстве народной артистки СССР Ирины Колпаковой. Ученица последнего выпуска А. Я. Вагановой, артистка несет и словно бы излучает немеркнущий свет классики, в чистоте которой — секрет вечной молодости балетного танца.

Она и начинала с того, что требовала от самой себя предельной чистоты исполнительства.

Трактовку классики обогатила работа над современным репертуаром. Ведь известно, что духовный рост актера во многом зависит от новизны поисков, от встреч с никем еще не опробованным материалом. А надо сказать, что на рубеже 50—60-х годов перед актерской молодежью ленинградского балета поистине открылся простор. Колпаковой в то время довелось участвовать в постановке балетов, признанных вершинами советской хореографии. В балете С. Прокофьева — Ю. Григоровича «Каменный цветок» Колпакова воплотила образ Катерины, в балете А. Меликова — Ю. Григоровича «Легенда о любви» — образ принцессы Ширин.

Кроткая Катерина из уральских сказов и изысканная принцесса восточной легенды говорят у Григоровича на языке классического танца. И как говорят! Хореограф развернул условные формы этого танца, обогатив приметами национальной образности. Притом, ставя перед Колпаковой смелые задачи, он полагался на ее безупречное знание академических основ. Пример содружества автора и исполнительницы дал высоко поэтические результаты. Правда чувств двух разных героинь отчетливо проступила в обобщениях классического танца. А это определило дальнейшие пути исполнительской работы.

Позади остались годы ученичества. Теперь уже танцовщица по-новому ощутила поэтический смысл академических образов. Притом она сберегла ту неудовлетворенность достигнутым, что отмечает искусство подлинных мастеров. Пожалуй, есть немного равных ей в балетах Чайковского «Спящая красавица» и Глазунова «Раймонда», и все же от спектакля к спектаклю балерина оттачивает и углубляет характеры своих героинь — Авроры и Раймонды, находя новые краски, новые оттенки в трактовке этих образов.

Вместе с тем Колпакова старается не преступать границ своей индивидуальности, отказываясь подчас от иных заманчивых, казалось бы, ролей. В репертуар артистки не входит, например, роль Одетты-Одиллии из «Лебединого озера». А ведь в ней иногда случается видеть и неразборчивых танцовщиц, считающих, что всякий образ — это лишь технические сложности. Для балерины техника — средство, которое должно стоять на том уровне, когда зритель его не замечает, когда исполнительница не силится преодолеть то или иное движение.

Танец Колпаковой акварельно прозрачен, и привольнее всего она ощущает себя в лирической стихии. Там ей подвластны многие оттенки и звучания чувства, главное же — в их передаче царит естественная простота. Естественность сценической жизни в условнейшем из искусств — это и есть танцующая Колпакова.

Черты естественности — в натуре ее Авроры из «Спящей красавицы». Тема пробуждающейся зари проходит через переменчивую судьбу сказочной царевны. Весенней свежестью овеваны и ее резвость, и застенчивость, и задумчивость, набегающая, как легкое облако в ясном небе. Дитя воздуха и света, она благосклонна к людям, но, даже встретив избранника, сохраняет сдержанный покой.

Покоем дышит и ее танец в «Шопениане». В отсветах романтического заката легчайшая из сильфид мелькает и мчится, наслаждаясь мгновениями своей мотыльковой жизни.

Мотивы одухотворенной природы близки Колпаковой, и не случайно разные хореографы в общении с нею по-разному развивали эти мотивы.

В балете А. Петрова «Берег надежды» хореограф И. Бельский поручил ей роль рыбачки. Героиня, потеряв любимого, оборачивалась чайкой и летела за ним на чужбину. Аллегии, достаточно прямолинейной, Колпакова придала живое значение, тревогу поиска-полета и манящую ясность и искренность чувства.

Лики природы, постоянно и вечно изменчивой, воплотила Колпакова в «Снегурочке», созданной для нее Л. Якобсоном на музыку «Мимолетностей» С. Прокофьева.

Человек, не отделившийся еще от природы, — такова Ева в «Сотворении мира» А. Петрова, поставленном Н. Касаткиной и В. Васильевым. Он ироничен и подкасан рисунками Ж. Эффеля. Ева лукава, капризна и, разумеется, любопытна. Ей интересно все вокруг, а особенно удивляется она себе самой. Мир открывается для нее созерцанием собственных грациозных в своей ребячливой неуклюжести движений. Артистка с мягкой улыбкой «про себя» открывает великолепную новизну жизни, естественность бытия.

...У Колпаковой немало творческих наследий в театре. Репетируя с молодыми танцовщицами, она заботливо внушает им уважение к высокому профессионализму, добиваясь чистоты и строгой гармонии. Мерила вековых традиций ленинградского балетного школы. У нее тут все права: в ней олицетворен нынешний день славных традиций. И потому так горячо любимо искусство этой замечательной танцовщицы, народной артистки СССР, избравшейся депутатом Верховного Совета СССР.

Исполнение И. Колпаковой партий классического и современного репертуара в Ленинградском академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова заслуженно выдвинуто на соискание Государственной премии СССР.

В. КРАСОВСКАЯ,
доктор искусствоведения.
ЛЕНИНГРАД.